

Спекулятивная философия глазами аналитических философов

Аннотация. Принято считать, что существует глубокая пропасть между континентальной и англоязычной философией, во всяком случае ранние философы-аналитики заявляли о полном отказе от спекулятивного метода, безусловно, связывая его использование с неспособностью континентальных философов решать имеющиеся у человечества проблемы. Автор утверждает, что эта позиция устарела, и сегодня для англоязычной философии характерен значительный интерес к возможностям применения умозрения для решения, в том числе, проблем этики, эпистемологии и философии науки. Цель статьи – показать особенности спекулятивной философии с точки зрения аналитической школы. Автор рассматривает эту проблему как с историко-философской, так и методологической точки зрения, выбрав для анализа исключительно наиболее влиятельные работы аналитических философов за последние 100 лет. Делается вывод, что невозможно свести особенности спекулятивной философии к единственному эпистемологическому критерию или методу – синтезу (синопсису). Автор соглашается с выводом С. Кричли и Л. Бравера, что выбор философом аналитического или спекулятивного метода предопределен влиянием контекста и принадлежностью к той или иной традиции.

Ключевые слова: спекулятивная философия; континентальная философия; аналитическая философия; синопсис; синтез; умозрение

Попытки преодолеть «бесполезное для практических занятий» умозрение предпринимаются последние триста лет. В XX в. было принято считать, что философское воображение – ограниченный и практически исчерпанный ресурс. Научная революция XVII в. зачастую интерпретируется как отрицание античной космологии и средневековой схоластики. Это суждение представляет собой анахронизм. Современная наука использует спекулятивные принципы и идеи, чтобы развить понимание неопределенности сбора доказательств и эмпирических знаний, и нам уже приходилось писать об этом [4].

Демонстративный отказ от спекулятивной философии, как по существу бессмысленной, стал началом обретения идентичности аналитической философией, поскольку в ней не может быть места для религиозных убеждений или универсальных этических высказываний. Вслед за Дж. Муром и Б. Расселом англоязычные философы вплоть до начала XXI в. подчеркивали принципиальные недостатки «философии в кресле», безусловно, связывая крах континентальной философии с ограниченностью спекулятивного метода. Однако в настоящее время в аналитической философии растет интерес к возможностям применения спекулятивного рассуждения в онтологии (метаонтология), этике (метаэтика), эпистемологии (метаэпистемология) и т. п.

Попытаемся разобраться в том, как воспринимали особенности спекулятивной философии англоязычные философы, используя для этого работы У. Блаттнера, Л. Бравера, К. Брода, Дж. Брэдли, Д. Верина, С. Глендиннинга, С. Кричли и К. Прадо.

Разговор о спекулятивной философии предполагает ответы на два вопроса: как возможна спекулятивная философия и каков ее метод. Первый вопрос очень широк, и его решение невозможно без обращения к истории философии. Считается, что субъективная природа спекуляции лежит вне возможностей человеческого

---

* **Нина Юрьевна Игнатова**, д-р филос. наук, доцент, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, НТИ (филиал) (г. Нижний Тагил).

E-mail: nina1316@yandex.ru

знания, и что невозможно определить истинность спекулятивных утверждений, а спекулятивные пропозиции не являются когнитивными. Второй вопрос является предметом бурных дискуссий между двумя ветвями философии – континентальной и аналитической. Существует миф о тождестве спекулятивного мышления и континентальной философии, а сама континентальная философия рассматривается как нечто противоречащее аналитической философии из-за приверженности последней научному реализму. Это заблуждение, поскольку термин «спекулятивный» использовался немецкими философами в XIX в. задолго до того, как Дж. Мур сформулировал новый стиль философствования.

Попытаемся ответить на вопрос, как возможна спекулятивная философия, и для этого обратимся к истории философии. Термин «спекулятивный» происходит от латинских слов *specere, specto, speculum* и означает «созерцание», «рефлексия». Философский источник понимания спекулятивного как созерцания можно найти в классической античной философии: слово *θεωρία* (созерцание) этимологически связано с латинским словом *speculatio*, имеющим широкий спектр ассоциаций. В определенных системах спекулятивной философии, особенно в немецком идеализме, фигурирует рефлексующее сознание. В рамках западной философской традиции «спекулятивный» или «умозрительный» ассоциируется с метафизикой, *πρώτη φιλοσοφία*, теологией, космологией, теорией Абсолюта и теоретическими знаниями.

Спекулятивная философия понимается как систематический и всеобъемлющий анализ Вселенной и человеческого существования – в любом случае, это не поддающееся эмпирической проверке размышление о реальности. Можно утверждать, что вся философия в некотором смысле является спекулятивной, поскольку она имеет дело с универсальными идеями. Иногда при этом эмпирическая достоверность рассматривается как имеющая второстепенное значение или не имеющая значения вообще. В широком смысле термин «спекулятивный» обозначает метафизические концепции и подходы, которые пытаются осмыслить существование, сознание и свободу воли как таковые. В узком смысле термин «спекулятивная философия» означает неэмпирическое теоретизирование.

Вообще говоря, спекулятивной философии очень редко дают однозначное определение. Спекулятивная философия, с одной стороны, – чрезвычайно расплывчатый термин, который может обозначать практически любую философскую ориентацию; с другой стороны, – это строго определенный термин. Иногда этот термин служит для обозначения идей конкретных философов, в других случаях он отсылает к историческим периодам, например античной космологии, или отождествляется с определенными типами интеллектуальной истории, подобно универсальным теориям цивилизации (Р. Коллингвуд, А. Тойнби). Кант использует его в сфере трансцендентных идей, развивая концепцию чистой спекулятивной причины, Гегель с помощью этого термина подчеркивает объединяющую силу разума. А. Уайтхед определяет спекулятивную философию как «метод, порождающий значимое знание», как попытку «создать связную логичную и необходимую систему общих идей, в терминах которых можно было бы интерпретировать каждый элемент нашего опыта» [8, с. 271]. По его мнению, «идеал спекулятивной философии имеет как рациональную, так и эмпирическую сторону» [8, с. 272]. Индукция без свободного воображения, контролируемого требованиями связности и логичности, не способна создать метафизику. Препятствием на пути использования описательной генерализации при формулировании метафизических первоначал служат «слабость интуиции и недостатки языка» [8, с. 274, 282].

Спекулятивная ориентация имеет свой источник в убеждении, что философствование является уникальным мероприятием, не похожим на науку или религию. Существенным моментом для самоидентификации спекулятивной философии

фии выступает интуиция целого, всеобщего, не приводимого ни к чему и не выводимого из чего-либо. Спекулятивная философия ассоциируется с замкнутыми на себя системами мышления. Понимаемая как мысль в ее самой чистой и наиболее свободной форме, спекулятивная философия развивает свое содержание полностью из себя, в отличие от физических и социальных наук, которые рассматривают свой предмет как нечто данное и предопределенное. Субъективная природа знания предполагают содержание, которое спекулятивный философ пытается эксплицировать, что не может быть подорвано никакой контекстуализацией. Вместе с тем, спекулятивные философы не терпят абстрактный формализм в попытках выстроить взаимосвязи между мыслью и бытием с точки зрения конкретной индивидуальности. Ярким примером такого подхода является работа Гегеля «Кто мыслит абстрактно?» [1].

Спекулятивная мысль развивается на протяжении тысяч лет от «Филеба» Платона, «Метафизики» Аристотеля к «Новой Науке» Дж. Вико и трем «Критикам» Канта и исторически связана с трудами Плотина, Прокла, Фомы Аквинского, Канта, Гегеля, Гуссерля и Хайдеггера. Легко установить, что эти мыслители используют общие аргументы и схожие методы. Несмотря на то что схоласты зачастую рассматривали философию как пропилеи к теологии, Фома Аквинский обозначил спекулятивное знание *par excellence*, как то, которое Бог имеет о самом себе. Использование Декартом в «Размышлениях о первой философии» онтологического аргумента для укрепления связи между мыслящей и протяженной субстанциями, чтобы, в конечном итоге, преодолеть универсальный скептицизм, – известный пример спекуляции. Ранее в «Размышлении о методе» Декарт ввел условие достоверности полученного знания в виде метода: интуиция, дедукция, эnumerация. Следовательно, значение спекулятивной философии в ее методизме (Р. Чизолм), в том, что это способ медитации и систематической работы над мысленно развиваемым содержанием. Развитие содержания может пониматься по-разному: эволюционно или исторически (Гегель), или как метод концептуальной диалектической артикуляции (Платон). После Платона целью спекулятивного мышления становится объединение философии и теологии. Асферетическая абстракция востребована мистическими провидцами (Дионисий Ареопагит), который в работах «О мистическом богословии» и «О божественных именах» применял негативную теологию, используя отрицательную или положительную предикацию.

Умозрительная философия претендует на то, чтобы быть единством различающегося субъективного и объективного. Выраженное исключительно в пропозициональной форме, само по себе это единство представляет собой абстрактное различие. В настоящее время пропозициональная установка преобладает преимущественно среди неспекулятивной части современной философии. По мнению немецких идеалистов, в дедуктивных рассуждениях специфика спекулятивной философии полностью не раскрывается. Немецкие идеалисты определяли «спекулятивное» как максимально желаемый результат философского исследования. Гегель замечает в «Энциклопедии философских наук» (пункт 82): «Об этом обычном употреблении слова “спекуляция” следует сказать то же самое, что мы сказали выше об употреблении слова “идея”; к этому мы должны еще прибавить, что часто люди, считающие себя достаточно образованными, также говорят о спекуляции лишь в определенном смысле – в смысле только субъективного. Чисто спекулятивное понимание природных или духовных состояний и отношений, говорят эти люди, может быть, правда, прекрасным и правильным, но опыт не согласуется через себя и самим собой и, следовательно, вместе с тем истинно непосредственным» [3, с. 209]. Гегелевский смысл понятия «спекулятивный» подразумевает способ мышления, который не довольствуется определением субъекта извне пу-

тем прибавления к нему фиксированного предиката, но, напротив, позволяет субъекту и предикату меняться ролями, так что предикат может стать субъектом, и субъект может стать предикатом. Таким образом, в спекулятивных суждениях сначала определяется субъект, а затем значение уточняется и переносится в предикат. В конечном итоге, вновь происходит возвращение к субъекту для окончательного определения его значения. Процесс завершается в Абсолютной Идее [2].

Путь обоснованной спекуляции очень сложен, традиционно применяются тавтологическое, антитегическое или синтетическое полагание. Для Гегеля именно некоторая форма полагания выступает обязательным моментом спекулятивного рассуждения, делает возможным опыт, приводит к бытию и существованию, движет диалектическим ходом реальности. Вместе с тем он указывает на опасность желания избавиться себя от проблем обоснования собственных размышлений, что по-нуждает некоторых философов быть безразличными ко всякому полаганию. Подобные деятели стремятся переместить читателя с помощью абстракции, логического вывода и дефиниций вовне времени и пространства, за пределы утверждения и отрицания, что открывает возможность для обвинения спекулятивной философии в мистицизме или утопичности. Именно поэтому Гегель критикует шеллингианскую работу «Изложение моей системы философии» [9] за выбранный подход

Иногда аналитическими философами утверждается имплицитная связь спекулятивной философии и идеализма. Однако со времен Канта и его предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума» в спекулятивной философии обнаруживается сильная реалистическая традиция. Продолжением этой реалистической традиции имеет смысл считать современный спекулятивный реализм Г. Хармана и К. Мейясу. Поэтому было бы неверно классифицировать спекулятивную философию как принципиально идеалистическую. Уже Кант переопределил проблему достоверности внутреннего опыта следующим образом: «Простое, но эмпирически определенное сознание моего собственного существования служит доказательством существования предметов в пространстве вне меня» [5, с. 36–37]. Дж. Мур пытается обойти «проблематический идеализм» Декарта, который сводится фактически к утверждению незыблемой достоверности для субъекта только акта его мышления, или *cogito* [6, с. 247–265]. После Дж. Мура философы-аналитики сосредоточились на учении о внешних отношениях, которое, так или иначе, вытекает из проблемы зависимости внутреннего опыта от опыта внешнего [11]. Иметь ощущение или осознавать что-либо, если использовать язык Мура, – значит находиться вне самореференциального круга собственных идей и ощущений.

В связи с выявленными особенностями спекулятивной философии особого внимания заслуживают ее отношения с наукой. Спекулятивная философия и наука кажутся врагами, но это такой же миф, как и непримиримость континентальной и аналитической философии. Попытки уйти от редукционизма научного реализма можно обнаружить в работе Т. Нагеля «Разум и космос» [18], но их многие аналитические философы считают антинаучными и одиозно спекулятивными. Можно сказать, что термин «спекулятивный» в этом контексте означает добровольные дискурсивные ограничения научного реализма. С другой стороны, трудно представить астрофизику, космологию или эволюционную биологию вне спекулятивной ориентации высказываемых ими положений. Фундаментальные науки часто выдвигают всеобъемлющие теории, которые не вписываются в рамки каких-либо конкретных утверждений о существовании. Когда это происходит, наука рискует выйти за пределы добровольно установленных границ научности. Возможно, в этом случае ученые скажут, что аргумент сместился в другую, ненауч-

ную сферу дискурса. Философы же увидят в подобных теориях сильное влияние спекулятивной мысли.

Для ответа на вопрос, каков метод спекулятивной философии, мы обратились к дискуссии, развернувшейся на философских форумах «Daily Nous», «The Philosophers' Coooon». Прежде всего, подчеркивают участники дискуссии, различие между аналитическими и спекулятивными философами кажется странным, потому что оно опирается на недостаточно проясненные критерии. Некоторые современные англоязычные философы однозначно называют это различие социологическим или институциональным (Л. Бравер, С. Кричли). Принято считать, что аналитическая философия связана с анализом мысли, языка, логики, знаний, разума и т. д., тогда как спекулятивная философия использует свойственный спекулятивным построениям синтез – синтез современности с историей, индивидов с обществом и спекуляций с применением результатов размышлений на практике. Последним из великих классических философов, применявший синтез в духе Платона и Аристотеля, был Гегель. Его преемники либо искажали смысл гегелевского синтеза, что вполне понятно, учитывая его особую терминологию и стиль письма, либо имели личные планы, которые побуждали их демонстрировать полный разрыв с Гегелем: редуцирующий «пророческий» замысел Маркса, «абсурдизм» Кьеркегора, антирационализм Хайдеггера, мессианский сциентизм позитивистов.

Часто цитируемое, но неверное отождествление спекулятивной традиции с континентальной философией во многом навеяно «Историей западной философии» Б. Рассела, где утверждается, что англоязычная философия применяет индукцию, в то время как континентальная школа возводит огромное здание дедукции [7]. Очевидно, что эта схема надумана, и Гегель или Шеллинг стали бы отрицать построения Рассела, поскольку для них индукция не может быть отделена от дедукции, и наоборот.

Английский философ середины XX в. К. Брод в статье «Некоторые методы спекулятивной философии» обратил внимание, что спекулятивная мысль более строга к точности высказываний, чем эмпирическая наука [15]. Она поддерживает концептуальную строгость, но сопротивляется логическим перегибам или аксиоматическим требованиям системы высказываний. Это своеобразный парадокс догматического скептицизма и квазикантовского, квазигегелевского языка. Спекулятивная мысль содержит в себе полярность, разобщенность и противостояние. Как спонтанный образ, спекулятивная мысль – начало и источник всего человеческого творчества. Как рациональная система, она является кульминацией человеческого труда и практических усилий. Спекулятивная метафизика отвечает двум когда-либо существующим потребностям человеческого состояния: необходимости постичь целое и понять противоречия и парадоксы, уловив их динамическую взаимосвязь внутри целого. Спекулятивное мышление реагирует на стремление сознания быть сторонним наблюдателем мира и, одновременно, его судьей. Для некоторых спекулятивных мыслителей это стремление заканчивается опасной идеологией и разрушительными последствиями.

Спекулятивную философию упрекают в отсутствии интереса к логике и языку, однако трудно представить логику без Аристотеля или Гегеля, а философию языка без Хайдеггера. Гегель, безусловно, свободно использовал инструменты логики, хотя можно сомневаться в ценности его логических нововведений. То, что философы-аналитики сегодня подразумевают под «логикой», – это символическая математическая логика. Такая логика появилась только в конце XIX – начале XX в. До Г. Фреге логикой называли теории грамматической и логической структуры суждения и ее составляющих (терминов) и значений (выводов).

К. Брод обратил внимание на различие структуры философского исследования в критической (аналитической) и спекулятивной философии соответственно. Отстаивая значимость анализа предпосылок и критики фундаментальных убеждений, Брод отыскивал место для философской спекуляции в эпоху продолжающегося доминирования позитивизма и сциентизма. По его мнению, спекулятивная философия предполагает методы «синопсиса» и синтеза, которые следует отличать от философского анализа. Синопсис – это «преднамеренное рассмотрение аспектов человеческого опыта, которые обычно рассматриваются отдельно, и стремление увидеть, как они взаимосвязаны» [16, с. 4]. Брод обозначает те проблемы, которые способна рассматривать философия, причем только синоптически: восприятия, «разум – тело», паранормальных явлений и свободы воли [16, с. 5–7]. Исследуя изменение понятий от конкретного факта до общего принципа у Аристотеля, К. Брод отмечает, что спекулятивный философ уделяет большое внимание маргинальным и патологическим случаям в пределах нормальных и знакомых областей явлений. Высокая положительная корреляция друг с другом нескольких характеристик объекта для спекулятивного философа означает внимание к тем случаям, когда эта корреляция не наблюдается. Этот вывод Брода подтверждает суждение, что исторически именно спекулятивная философия породила сильные требования к научности. Обобщение (генерализация) и конструирование некоей иерархии понятий, согласно Броду, осуществляются философами двумя противоположными способами – редукцией и сублимацией: «Редуктивный тип обобщения означает, что признаки, которые характерны для более высоких уровней, анализируются без остатка в тех, которые принадлежат более низким уровням» [16, с. 12–13]. Брод делает вывод, что мышление Аристотеля и Гегеля имеет смысл определить как телеологическое и синоптическое, т. е. спекулятивное. Поскольку «сублимационный тип обобщения означает, что особенности, которые кажутся характерными для более высоких уровней, действительно присутствуют в скрытой, упрощенной или вырожденной форме на более низких уровнях» [16, с. 14], то мышление Мура и Карнапа необходимо считать не синоптическим, а аналитическим.

Современный американский философ Дональд Верин, тщательно разбирая философию истории Р. Коллингвуда, безоговорочно защищает спекулятивную философию в контексте вопроса о важности и значении критического анализа. Применяемые в философских текстах аргументы – это, безусловно, показатель профессионализма философа, но они становятся «варварскими» (термин Дж. Вико) и испорченными, когда вытесняют любовь к мудрости. Для Д. Верина философия по форме представляет собой нарратив, а не набор аргументов. Этот нарратив имеет корни в античной философии, отсюда роль философии заключается в том, чтобы рассматривать вопросы о лучшей жизни и добродетели. Эти вопросы требуют спекулятивного метода, и на них лучше всего отвечать с помощью диалога и риторики, а не подбором аргументов. Практикуемая философами-аналитиками критическая аргументация препятствует удовлетворительному изучению способов лучшей жизни, поскольку «ключом к философскому мышлению является вопрос, а не аргумент» [19, с. 16–18].

Американский исследователь Гегеля Л. Бравер в книге «Вещи этого мира: история континентального антиреализма» указал на исторические обстоятельства отказа аналитиков от спекулятивной идеи [14]: особое отношение к истории и вовлеченность в традицию. Любой философ исходит из контекста, в значительной степени определяемого важными фигурами, базовыми тезисами и проблемами. В совокупности контекст образует молчаливый, само собой разумеющийся фон философских дискуссий, при этом другие участники дискуссии, принадлежащие к той же школе, сразу же понимают, о чем идет речь. Кажется, что тексты избыли-

ют профессиональным жаргоном и намеками, как правило, намеренно неясными для непосвященных. Вот почему один из традиционных отличительных признаков аналитической философии, ясность рассуждений, – это исторически нагруженный термин. Ссылки на «гавагаи» или «короля Франции», «утреннюю и вечернюю звезду» знакомы посвященным, в то время как намеки на сломанные молотки или отношения господина и раба не будут иметь значения. По мнению Л. Бравера, причина раскола заключается, во-первых, в том, что некоторые из ключевых фигур ранней аналитической философии (Б. Рассел, Г. Фреге) остро реагировали на идеализм Гегеля. Во-вторых, моральный и политический оттенок философским дебатам придавало использование Хайдеггером «собственной речи» (*eigentliche Sprache*) для поддержки национал-социализма и его отказ от научной логики. Вопреки распространенному мнению, считает Л. Бравер, примерно в то же время, когда возникла аналитическая философия, спекулятивная философия трансформировалась; следовательно, она никуда не исчезала. Ранние философы-аналитики, как и спекулятивные философы, заявляли о схожих мотивах своих действий, которые сделали философию «разделенным домом». И Гегель, и Гуссерль хотели сделать философию научной («*wissenschaftlich*»), но в этот термин они вкладывали разный смысл. Гуссерль искал ясности и точности высказываний, поэтому связал искомую ясность со строгим описанием феноменального опыта, в то время как Г. Фреге обратился к логическому анализу понятий. Если для Гуссерля спекуляция в виде феноменологической редукции позволит достичь фундаментального уровня знаний, то, по мнению Г. Райла, призыв к феноменальному опыту служит источником субъективности и мистицизма и противоречит идеалам логической объективности и ясности.

Великое новшество Г. Фреге заключалось в изменении логического анализа суждений («S есть P») на форму, смоделированную в виде математической функции («S (x) или P (x)»). Это изменило способ логики и, в частности, сделало универсальные и экзистенциальные характеристики объектов намного более четкими. Изменяющие языковые игры новшество Фреге поразило Б. Рассела своей эпохальностью. Запись философских утверждений в виде математических функций неожиданно выявила ошибки, не видимые поколениям философов. Рассел понял, что на этом пути философия может добиться решительного прогресса. Он высокомерно отказался от изучения истории философии, апеллируя к истории науки (в частности, химии).

Работы С. Глендиннинга, С. Кричли и К. Прадо построены как попытка сравнить взгляды пары философов, одного из аналитической школы, другого из континентальной школы: Гуссерля и Фреге, Хайдеггера и Куайна, Бергсона и Рассела и т. п. С. Глендиннинг видит специфику спекулятивного метода в использовании метафоры и концептуального удивления [17, с. 63–65]. С. Кричли утверждает, что спекулятивные философы ищут мудрость, а не знание [16, с. 11]. К. Прадо указывает, что спекулятивная философия не позволяет науке реализовать свое призвание и великие цели Просвещения [10, с. 9–10].

Достоинства работ Дж. Брэдли определяются, прежде всего, его анализом исторических трансформаций спекулятивной философии за последние сто лет [13]. Брэдли ищет различие между спекулятивной и неспекулятивной философией. Для этого он использует представление о слабой и сильной позиции в понимании бытия как существования. Различие между сильной и слабой позициями в онтологии существования заключено в понимании природы вещей, а спор между ними лежит в самом сердце философии. Спекулятивная философия защищает сильную позицию в представлениях о существовании, в то время как аналитическая философия отстаивает слабую позицию. Слабая позиция опирается на описательные количественные и качественные суждения типа «для некоторого x, где x – это

лошадь». Следовательно, современная эпистемология и философия языка могут называться метафизикой, но при этом не могут называться спекулятивной философией. Спекулятивная философия интересуется существованием как таковым, поэтому сосредоточена на вопросах, почему что-либо вообще существует или не существует.

По общему признанию философов-аналитиков, о проблеме существования можно или должно быть сказано немного. Слабая позиция следует за Д. Юмом, трактуя существование как то, что не может быть получено или эксплицировано. Она базируется на подходе Канта, сделавшего существование модальностью эмпирического суждения. Кант придерживается точки зрения, что существующее не реально, но не детерминировано предикатами: утверждения о существовании ничего не поддерживают в содержании понятия, но просто обозначают объект, корреспондирующий с понятием.

У. Блаттнер, описывая современное состояние спекулятивной философии, указывает, что точно определить ее границы очень трудно [12]. В настоящее время в США со спекулятивной философией ассоциируются католические университеты (Бостонский университет, университет Вилланова, Джорджтаунский университет), тогда как протестантские университеты считаются проводниками аналитической философии. Гарвард и Принстон обращаются к риторике сциентизма и отождествляют образованность с математикой и естественными науками. По их мнению, философы разных школ страдают чрезмерным упрощением взглядов друг друга. Так, спекулятивную философию упрекают в «мрачности», таинственности, мистицизме, «антинаучности», схожести с поэзией, отсутствии логичности и непрофессиональном использовании аргументов. Т. Уильямсон в запальчивости заявляет, что спекулятивная философия – это «неясное словоблудие, граничащее с напыщенной чепухой» [20].

Если ясность и точность аргументов означают систематизацию аргументов в форме, которая может быть проанализирована с помощью стандартной символической логики, то спекулятивные философы, как правило, этого не делают. Однако многие неспекулятивные философы или философы-аналитики тоже этого не делают. Очень трудно определить то, что считается ясностью и точностью аргументации. Можно согласиться с Блаттнером, что ясность и точность аргументов соотносятся с

- 1) определением соответствующих понятий при введении их в текст;
- 2) письменным текстом на языке, который понятен образованному человеку;
- 3) четким определением посылок и допущений;
- 4) анализом последствий применения выбранной аргументации.

Имеет смысл отметить, что Блаттнер фактически назвал стилистические особенности не спекулятивной философии, как таковой, а хорошей философии.

Апофатическое определение спекулятивной философии, которое пытаются сформулировать философы-аналитики, не порождает уверенности в обоснованности применяемых этими авторами критериев, что, впрочем, признают они сами [12; 13]. Позитивное определение спекулятивной философии как самостоятельной ветви мировой философии как таковой не в состоянии преодолеть фатальный недостаток общности разнообразных взглядов.

Проведенный нами анализ работ некоторых англоязычных авторов показывает, что спекулятивная философия – одно из наиболее спорных понятий в философии. Очевидно, что поспешные выводы, необоснованные генерализации и навешивание ярлыков не объединят «расколотый дом» философии. Ее претензии на полноту и абсолютность порождают последователей, но при этом уязвляют противников, приводят к массовым изменениям культурных ценностей и концептуальных позиций. Значение спекулятивной философии в интеллектуальной исто-

рии человечества таково, что немногие другие школы или традиции в философии в состоянии превзойти.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Кто мыслит абстрактно? // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. статья А. В. Гулыги. – М. : Мысль, 1970. – С. 387–394.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1 : Наука логики. – М. : Мысль, 1974. – 451 с.
4. Игнатова Н. Ю. Метафизические компоненты научных картин мира // Вестник Гуманитарного университета. – 2021. – № 2. – С. 74–80.
5. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. – М. : Чоро, 1994. – 740 с.
6. Мур Дж. Опровержение идеализма / пер. И. В. Борисовой // Историко-философский ежегодник. – М. : Наука, 1987. – С. 242–265.
7. Рассел Б. История западной философии : в 3 кн. : 3-е изд., испр. / подгот. текста В. В. Целищева. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во : Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.
8. Уайтхед А. Процесс и реальность // Избранные работы по философии. – М. : Прогресс, 1990. – С. 272–304.
9. Шеллинг Ф. Изложение моей системы философии / пер. с нем. А. А. Иваненко. – СПб. : Наука, 2014. – 263 с.
10. A House Divided: Comparing Analytic and Continental Philosophy / ed. by C. G. Prado. – Amherst : Humanity Books, 2003. – 329 p
11. Austin M. The Inner Life of Objects: Immanent Realism and Speculative Philosophy // *Analecta Hermeneutica*. – 2011. – Vol. 3. – P. 1–12.
12. Blattner W. Some Thoughts About «Continental» and «Analytic» Philosophy // Georgetown University. – URL: <http://faculty.georgetown.edu/blattnew/contanalytic.html#8call> (дата обращения: 15.04.2021).
13. Bradley J. Transformations in Speculative Philosophy // *The Cambridge History of Philosophy 1870–1945* / ed. by Th. Baldwin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – P. 438–448.
14. Braver L. A Thing of this World: A History of Continental Anti-Realism. – Northwestern University Press, 2007. 616 p. DOI:10.2307/j.ctv47w24v
15. Broad C. Address: Some Methods of Speculative Philosophy // *Proceedings of the Aristotelian Society*. – 1947. – Supplementary Volumes. – Vol. 21 : Explanation in History and Philosophy. – P. 1–32.
16. Critchley S. Continental Philosophy: A Very Short Introduction. – Oxford University Press, 2001. – 168 p.
17. Glendinning S. The Idea of Continental Philosophy. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007. – 160 p.
18. Nagel T. Mind and Cosmos. Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature is Almost Certainly False. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 140 p.
19. Verene D. Speculative Philosophy. – Lanham : Lexington Books, 2009. – 190 p.
20. Williamson T. Classical Investigation : interview with R. Marshall // *3:AM Magazine*. 25.04.2009. – URL: <http://www.3ammagazine.com/3am/classical-investigations-timothy-williamson/> (дата обращения: 15.04.2021).

Nina Yurievna Ignatova,

Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin, NTI (branch) (Nizhny Tagil)

Speculative Philosophy through the Eyes of Analytical Philosophers

Abstract. It is generally accepted, there is a deep chasm between continental and English-speaking philosophy. Early analytical philosophers declared a complete rejection of the specula-

tive method, unconditionally linking its use with the inability of continental philosophers to solve the challenges humanity faces. The author argues that this position is outdated, and today English-speaking philosophy has a significant interest in the possibilities of using speculation to solve, among other things, the problems of ethics, epistemology and philosophy of science. The article aims to show the features of speculative philosophy from the point of view of the analytical school. The author examines this problem from both a historical-philosophical and a methodological point of view, choosing for analysis only the most influential works of English-speaking philosophers over the past 100 years. The author concludes that it is impossible to reduce the features of speculative philosophy to a single epistemological criterion or method – synthesis (synopsis). The author agrees with S. Crichtley and L. Braver's statement that the context and the belonging to one or another tradition predetermine the philosopher's choice of an analytic or speculative method.

Keywords: speculative philosophy; continental philosophy; analytical philosophy; synopsis; synthesis; speculation